

The background is a map of Australia and New Zealand. A large, textured red shape covers most of the Australian continent. In the upper left part of this red shape, there is a yellow hammer and sickle symbol with a five-pointed star above it. The map includes various geographical labels in Cyrillic script, such as 'Австралия' (Australia), 'Новая Зеландия' (New Zealand), and city names like 'Перт' (Perth), 'Аделаида' (Adelaide), 'Морсби' (Moresby), and 'Дарвин' (Darwin).

ЮРИЙ
АРТЕМОВ

РУССКАЯ
РЕВОЛЮЦИЯ
В АВСТРАЛИИ
И СЕТИ
ШПИОНАЖА

Юрий Артемов

**Русская революция в
Австралии и «сети шпионажа»**

«Алетейя»

2017

УДК 355.40(47)
ББК 67.401.212

Артемов Ю.

Русская революция в Австралии и «сети шпионажа» /
Ю. Артемов — «Алетейя», 2017

ISBN 978-5-906910-36-3

Это рассказ о людях с необычной судьбой – первом советском консуле в Австралии Петре Симонове и резиденте советской разведки полковнике Владимире Петрове. В их жизни тесно переплелись бунтарство, шпионаж, дипломатия, большие надежды и не меньшие разочарования.

УДК 355.40(47)
ББК 67.401.212

ISBN 978-5-906910-36-3

© Артемов Ю., 2017
© Алетейя, 2017

Содержание

От автора	6
Судьба первого консула	8
Убийство в Ривертоне	11
Солдат, бухгалтер, растратчик, беглец	15
Эмигрант становится большевиком	17
Против Абазы	22
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Юрий Артемов
Русская революция в
Австралии и «сети шпионажа»

© А. Ю. Рудницкий, 2017

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2017

* * *

От автора

Это рассказ о необычных судьбах людей, которые оставили свой след в истории России и Австралии. В их жизни тесно переплелись бунтарство, шпионаж, дипломатия, большие надежды и не меньшие разочарования, беззаветная преданность своему делу и бессовестное предательство, цинизм и идеализм, бескорыстие и корыстолюбие.

Первый советский консул в Австралии Петр Симонов на первый взгляд совершенно не похож на полковника госбезопасности Владимира Петрова. Однако имелось у них кое-что общее. Они вышли из социальных низов и выбились в люди благодаря тем переменам, которые произошли в России после 1917 года. Их вынянчила Русская революция и воспитало рожденное революцией государство. Они служили ему исправно и преданно, расширяя его горизонты и распространяя его влияние на далеком пятом континенте.

«Экспансия» – ключевое слово к тому, что делали Симонов и Петров. Первый добивался того, чтобы Австралия влилась в мощный поток мировой революции. Второй продвигал советские интересы, осуществляя разведывательные операции. Один – убежденный идеалист и романтик, другой – приземленный прагматик.

Оба стали героями сенсационных разоблачений и громких судебных процессов. Оба способствовали росту в австралийском обществе недоверия и подозрительности к СССР и России.

Симонов эмигрировал в Австралию в 1912 году, зарабатывал на хлеб тяжелым трудом. Затем примкнул к группе эмигрантов-большевиков и в 1918 году стал «красным консулом». В дипломатии видел, прежде всего, инструмент революционных преобразований и пропаганды. Убеждал австралийцев в преимуществах советского социализма и нес им «правду» о большевистском строе. Поднимал русских и австралийских рабочих на борьбу за социальное освобождение. Создавал Коммунистическую партию Австралии. Отсидел срок в австралийских тюрьмах. Был честен, наивен, верил в светлое будущее и расплатился за эту веру.

Петрову на светлое будущее было наплевать. Его заботили личная карьера, собственное благополучие, а служба в «органах» давала отличные возможности добиваться желаемого. Проработав в Австралии три с лишним года (с 1951-го по 1954-й), он пошел на сотрудничество с местной службой безопасности, устроив один из самых громких шпионских скандалов в истории советской разведки.

В биографиях Петра Симонова и Владимира Петрова хватает неожиданных поворотов и острых коллизий, которые могли бы лечь в основу не одного детективного или приключенческого романа. Притягивает историческая канва – ведь речь идет о событиях, происходивших в переломные периоды российской истории. Дипломатическая деятельность Симонова приходится на первые годы после Октябрьской революции, когда рождалось государство пролетарской диктатуры. Петров работал в советском посольстве в Канберре в последние годы сталинского режима и в первые месяцы оттепели. Происходившие перемены по-своему воспринимались в австралийском контексте и отражались на поведении героев этой книги. Их жизнь безумно интересна. Остается лишь гадать, почему до сих пор российские исследователи проявляли завидное равнодушие к консулу Симонову и полковнику Петрову. Конечно, в советскую эпоху многое останавливало. Симонов не был образцовым дипломатом ленинской школы, а писать о перебежчиках было вообще немыслимо. Доступ к архивам был практически закрыт. Но даже когда его открыли (увы, не полностью), исследователи так и не собрались заняться изучением этих любопытнейших персонажей. А вот австралийские историки о Владимире Петрове писали много и с удовольствием. Тема советского (русского) шпионажа в этой стране – излюбленная. Петрову посвящены книги, статьи, кинофильмы. Не обошли своим вниманием австралийцы и Симонова. Однако рассказано далеко не все.

Приступая к работе над книгой, автор старался избегать таких штампов, как «пламенный революционер», «настоящий большевик», «дипломат ленинской школы», «предатель родины» и пр., которые прижились в отечественной историографии и публицистике патриотического, или, скорее, псевдопатриотического толка. Бездумно осуждать или восхвалять людей прошлого, ставших заложниками обстоятельств, проще, чем разбираться в подлинных мотивах их действий, их мечтах, надеждах, свершениях и разочарованиях. Автор надеется, что рассказ об этих людях не оставит читателя безучастным.

В книге широко использованы материалы Архива внешней политики РФ (АВПРФ), многие из которых вводятся в научный оборот впервые. Автор выражает глубокую признательность старшему советнику АВПРФ Е. И. Гусевой и другим сотрудникам архива, оказавшим ему помощь в поиске документов.

Судьба первого консула

Петр Симонов – незаслуженно забытая фигура в истории советской дипломатии. Он принадлежал к той когорте ниспровергателей старого порядка, которые после Октябрьского переворота 1917 года взялись по-новому вершить внешнюю политику, рассчитывая переделать весь мир. Это были люди, умевшие рисковать и принимать самостоятельные решения для достижения великой цели. Целью была мировая революция.

Судьба их чаще всего складывалась драматично. Большевистский романтизм не сочетался с логикой международных отношений, и советское государство вскоре отказалось от услуг этих идеалистов, принявшись строить социализм в отдельно взятой стране. В своих зарубежных связях оно все больше опиралось на вымуштрованных чиновников, предпочитавших во всем полагаться на мнение начальства.

В трехтомном «Дипломатическом словаре», вышедшем в свет в 80-е годы прошлого века, есть статья, посвященная Симонову. Ее содержание мало в чем соответствует действительности. «Петр Фомич Симонов... Активный участник революционного движения в России, советский дипломат. В 1918 – генеральный консул РСФСР в Мельбурне (Австралия). На этом месте поддерживал соответствующие общепризнанным принципам и нормам международного права связи с демократическими организациями страны, что, тем не менее, было использовано местными властями в качестве надуманного предлога для привлечения С. к суду, который приговорил его к году каторжных работ. В 1920 – генеральный консул РСФСР в Сиднее... В 1921–22 – на ответственной работе в центральном аппарате НКВД РСФСР...»¹.

Начнем с того, что Симонов не был активным участником революционного движения в России и к революционерам примкнул только в Австралии, в эмиграции. В должности консула он не следовал «соответствующим общепризнанным принципам и нормам международного права» и не поддерживал связей с демократическими организациями. С левыми, радикальными организациями – да, поддерживал. С социалистами, коммунистами и с «этими проклятыми уоббли» (*“those damned wobblies”*), членами IWW, или ИРМ – «Индустриальными рабочими мира». Это была боевая группировка рабочего класса, которую ненавидели добропорядочные буржуа, а советская идеология клеймила за анархо-синдикализм. В тюрьме Симонов побывал, но провел в ней гораздо меньше года. На родине благодарности не дождался, ответственной работы в центральном аппарате Народного комиссариата по иностранным делам (НКВД) не получил. Должность предоставили жалкую, плохо оплачиваемую и совсем не дипломатическую. Бывшего консула не хвалили, не поощряли, его знания и опыт остались не востребованными.

Вольно обошелся с фактами и российский посол в Австралии В. Н. Морозов. По его словам, Симонова в Австралию «направила Москва», однако «официальная Канберра отказалась принять его верительные грамоты»². Во-первых, верительных грамот он не вручал и вручать не пытался, поскольку их у него отродясь не было. Кстати, позволим себе съехидничать: «официальная Канберра» в то время не существовала, федеральной столицей страны до 1927 года считался Мельбурн. Во-вторых, Москва Симонова никуда не направляла. Он приехал в Австралию задолго до революции, в 1912 году – в массе других эмигрантов.

До прибытия на пятый континент личные достижения Симонова представлялись весьма скромными. Освоил азы бухгалтерского дела, пописывал в газетах, но ни финансистом, ни журналистом толком себя не проявил. Австралия многое для него изменила. Там он приоб-

¹ Дипломатический словарь. Т. 3. М., 1986. С. 37–38.

² Интервью посла России в Австралии В. Н. Морозова газете «Единение» о 70-летию установления дипотношений между Россией и Австралией // <http://www.unification.com.au/articles/read/1530/>.

рел знания, позволившие ему всерьез заняться политической и журналистской работой. Пример того, чего может добиться самоучка. Освоил английский – свободно изъяснялся и писал на этом языке. Стал одним из лидеров русской эмиграции и австралийского революционного движения.

Он мог бы сделаться хорошим дипломатом, но, назначив его на консульскую должность, большевистское правительство о Симонове вскоре благополучно забыло. Когда он напоминал о себе, от него отмахивались, как от надоедливой мухи. Внимание уделяли лишь тогда, когда поступали многочисленные доносы от его недоброжелателей.

Ему так и не удалось убедить НКВД в важности своей революционной и дипломатической деятельности в Австралии, в том, что эта страна интересна и важна для России. Между тем, далекий британский доминион (официальное название Австралийское Содружество, или Австралийский Союз³) с населением около пяти миллионов человек к началу XX века уже играл заметную роль в мировой экономике и политике, да и в разных войнах поучаствовал, включая Первую мировую. По всему его не следовало сбрасывать со счетов, в чем, кстати, отдавало себе отчет правительство царской России. До 1917 года на пятом континенте имелось российское дипломатическое представительство, которое возглавлял генеральный консул, развивалась двусторонняя торговля. Однако у руководителей НКВД было свое мнение.

Не было другого такого дипломата, как Симонов, который три с половиной года пробыл на своем посту, не располагая никакими официальными документами, подтверждавшими его статус. Приказ первого наркома иностранных дел РСФСР Л. Д. Троцкого о его назначении не сохранился. До Австралии дошла только отправленная из Лондона телеграмма советского представителя в Великобритании М. М. Литвинова, извещавшая Симонова об этом назначении⁴. Но австралийское правительство Симонова не признало и консульской экзекватурой⁵ не побаловало. Сам он в зависимости от обстоятельств называл себя то консулом, то генеральным консулом, то просто – представителем Советской России.

НКВД ничем не подкрепил легитимность положения Симонова, не заботился о нем, словно его и не было. Когда в Лондоне арестовали Литвинова, Москва тут же занялась его освобождением. Литвинова обменяли на организатора «заговора послов» Брюса Локкарта. Чтобы освободить Симонова, Наркоминдел палец о палец не ударил.

Его воспринимали как досадное недоразумение. Обосновался на отшибе, в стране, регулярную связь с которой было поддерживать крайне сложно. Среди первых представителей советской власти за рубежом (А. А. Иоффе и Ю. Ларин в Германии, В. В. Воровский в Швеции, Л. К. Мартенс в США и М. М. Литвинов в Англии) он смотрелся белой вороной. Не был близок к руководству большевистской партии, полезными контактами не располагал. Толком его никто не знал. Чертик из коробочки, *deus ex machina*.

Специалист по истории российско-австралийских отношений А. Я. Массов пишет: «Попытка Советского правительства назначить в начале 1918 г. своего генерального консула – П. Ф. Симонова – оказалась неудачной. Австралия отказывалась иметь какие-либо отношения с Советским правительством»⁶. Это не совсем так. Австралийские власти действительно с определенным (и вполне понятным) недоверием отнеслись к представителю «красных», выступившему в роли дипломата, однако не отказывались от сотрудничества. Симонова принимали федеральный премьер, министры, члены парламента. Но Москва не воспользовалась шансом для развития отношений с Австралией.

³ Australian Commonwealth (англ.).

⁴ АВПРФ, ф. 65, оп. 2, п. 1, д. 6, л. 2.

⁵ Документ, подтверждающий согласие правительства страны на назначение консула.

⁶ Массов А. Я. Деятельность русских консулов в Австралии по защите интересов российских подданных и иммигрантов (1857–1917 гг.) // http://www.ojkum.ru/arc/lib/2011_01_07.

Вплоть до своего отъезда с пятого континента Симонов не получил из Москвы ни шиллинга, ни пенса. Между тем, исполнение консульских обязанностей было сопряжено с немалыми расходами. Надо было помогать соотечественникам, вести переписку с официальными и частными лицами, встречаться с людьми, принимать их достойным образом, совершать поездки по стране. Приходилось зарабатывать журналистикой, брать займы. Симонов жил впроголодь и все средства, которые ему удавалось добыть, тратил не на себя, а на дела консульские, на защиту интересов советского государства, для которого он как бы не существовал.

Самое удивительное, что, несмотря на голодный паек и отсутствие поддержки со стороны Москвы, Симонов сделал многое. Договорился о репатриации русских эмигрантов, мечтавших вернуться на родину. Наладил контакты с австралийским правительством. Подготовил почву для возобновления двустороннего торгово-экономического взаимодействия, прерванного после октября 1917 года. Издавал газету, писал статьи, брошюры, формировавшие в австралийском общественном мнении позитивный образ Советской России. Сотрудничал с профсоюзами, социалистическими организациями, лейбористами. А еще революцию в Австралии готовил, создавал там Коммунистическую партию. Вот уж действительно, если перефразировать известного писателя, необыкновенная биография в необыкновенное время.

Почему советско-австралийские отношения приостановили в начале 1920-х годов и работа консула Петра Симонова была фактически перечеркнута? Постараемся разобраться в происшедшем и познакомить читателя с личностью этого человека, его деятельностью – он этого заслуживает.

Убийство в Ривертоне

Начнем с трагического события, случившегося 21 марта 1921 года в захолустном городишке Ривертон, штат Южная Австралия.

Это были тяжелые дни. Тысячи людей оплакивали Перси Брукфилда. Он был любимцем рабочего класса, его боготворили неимущие и обездоленные, чьи права он отстаивал азартно и яростно, как никто другой. Его редко называли «Перси», для всех он был «Джеком». Работяги предпочитали это имя – простонародное, без намека на аристократизм. Еще его ласково величали «Бруки». Свой парень, отчаянный малый, на которого всегда и во всем можно положиться. Его трудно было отличить от свэгмена, поденного рабочего, скитавшегося по стране с заплечной котомкой-свэгом и перебивавшегося случайными заработками. Видный лейборист, член парламента, Бруки никогда не задавался перед шахтерами, стригалиями или фермерами.

Он оставался верен своей партии, но дружил и с крайними левыми, включая ненавистных властям коммунистов и уоббли. Брукфилд приветствовал Русскую революцию и с сочувствием наблюдал за социалистическим экспериментом в России.

Всю страну потрясла эта трагедия. На железнодорожной станции мужчина открыл беспорядочный огонь из автоматического пистолета по людям, ожидавшим поезда. Среди них были старики, женщины, дети. Полицейских оторопь взяла, они даже не попытались обезоружить стрелка. Четверо уже были ранены, когда Брукфилд бросился на негодея.

Он был человеком огромного роста, широкоплечим, физически сильным. Но оружия у него не было. Бруки получил четыре пули, пока не упал замертво. Тем временем стражи порядка пришли в себя и скрутили убийцу.

Тысячи людей встречали поезд, доставивший в шахтерский город Брокен-Хилл гроб с телом Брукфилда. Пели «Красное знамя» – боевой гимн профсоюзов и лейбористов. Траурная процессия растянулась на две мили. На время церемонии похорон прекратили работу почти все фабрики и заводы Австралии.

Среди тех, кто пришел проститься с Джеком, выделялся невысокий худощавый человек, одетый опрятно, но чрезвычайно скромно, даже бедно. Советский консул Петр Симонов. Видавший виды костюм выглажен, стоптанные башмаки начищены. Лицо осунувшееся, усталое.

Симонов близко знал Перси. Они познакомились в Брокен-Хилле лет семь-восемь тому назад, вместе вкалывали на горных разработках. Был еще третий друг – Майкл Консидайн. Они настолько сдружились, что были не разлей вода, их прозвали «Брокен-хилловской тройкой». Конечно, Майк тоже пришел на похороны. Лучше него и Бруки товарищей у Симонова не было. Они не раз выручали его, вытаскивали из тюрьмы, ссужали деньгами.

Случившееся в Ривертоне стало для Симонова огромным потрясением. Он утратил одну из самых надежных опор в жизни. Вот уже больше трех лет он выполнял консульские обязанности, не получая из Москвы ни денег, ни слова поддержки или поощрения. В Народном комиссариате иностранных дел, советском внешнеполитическом ведомстве, о нем словно забыли. Хотя он не раз напоминал о себе...

Сколько было сделано для того, чтобы отправить на родину сотни русских эмигрантов, жаждавших принять участие в строительстве светлого будущего. Сколько сил отдано пропаганде идей Октября. Симонов воспевал достижения Советской России, ходил на демонстрации с австралийскими и русскими рабочими, стоял в пикетах, участвовал в стачках, не пасовал перед угрозами властей.

Но сейчас он на пределе. Бывшие соратники обвиняют его в коррупции и стяжательстве, строчат доносы, которые ложатся на стол советскому наркому Чичерину и его заместителю Карахану. Посмотрели бы, в какой бедности живет Симонов. Небольшие средства, поступав-

шие от выдачи паспортов и распространения бюллетеня «Советская Россия», тут же уходили на оплату типографских услуг, на помощь неимущим соотечественникам. Если бы не австралийские товарищи, такие как Брукфилд или Консидайн, он бы ничего не добился.

Многие из пришедших на похороны знали, что Симонов – русский. Со многими он хорошо знаком. Вместе прошли через тяжелые испытания. И, тем не менее, на него бросали косые взгляды. Все знали, что Бруки застрелил эмигрант из России...

Герман Тамаев в действительности был не русским, а осетином, но Симонов не считал возможным ссылаться на этот факт. Причина заключалась не только в том, что для австралийцев все выходцы из Российской империи были русскими, и убеждать их в том, что они отличаются от осетин или, скажем, от татар, было бесполезно. Симонову претило заострять внимание на этнических различиях внутри российской общины. Опуститься до этого было бесчестно, недостойно его как человека и советского представителя.

Тамаев жил в Брокен-Хилле. Диаспора там насчитывала несколько тысяч человек, в основном селившихся в районе Бэрриер. Осетин среди них было около двухсот. Любые намеки на происхождение Тамаева могли быть истолкованы как попытка возложить на них коллективную ответственность за смерть Брукфилда. Поскольку подобные попытки делались со стороны некоторых русских, Симонов написал письмо главному редактору газеты «Бэрриер Дэйли Трус» (*“Barrier Daily Truth”*):

«Зная о моей дружбе с покойным товарищем Джеком Брукфилдом, вы не должны сомневаться, что я скорблю о его безвременной кончине не меньше, чем кто-либо еще. Именно поэтому я не хочу, чтобы из-за этого пострадали другие люди – за исключением того, кто повинен в смерти товарища Брукфилда.

Я получил несколько писем из Брокен-Хилла, в которых говорится о том, что некоторые русские представляют Германа Тамаева не русским, а осетином, создавая впечатление, что все осетины – какие-то преступники, или, по крайней мере, дурной народ, не имеющий ничего общего с другими русскими...

Нельзя забывать, что Россия расположена на двух континентах, европейском и азиатском, и ее население состоит из около сотни различных национальностей, хотя славянское население преобладает. Нужно учитывать и то, что в то время, как прежнее империалистическое правительство России, как и все империалистические правительства, подвергало дискриминации некоторые национальности бывшей Российской империи, нынешнее правительство России рассматривает представителей всех рас и национальностей равноправными гражданами Федеративной республики.

Вот почему, как бы я ни был возмущен трагическим происшествием с товарищем Брукфилдом, я считаю совершенной трусостью инсинуации со стороны этих русских насчет преступного характера осетин Брокен-Хилла... только лишь потому, что этот подлый мерзавец – один из них. Я считаю его русским, но вместе с тем исхожу из того, что ни один здравомыслящий человек не станет обвинять в случившейся ужасной трагедии всех русских в Австралии... Преступления происходят каждый день... и в основе их лежат причины индивидуальные и социальные, а не национальные».⁷

Австралийская пресса окрестила Тамаева «выжившим из ума русским, совершившим чудовищное нападение на пассажиров экспреса, направлявшегося из Брокен-Хилла в Аделаиду». Трудно судить, было это клиническим случаем или проявлением идеологического экстаза.

Герман Тамаев свихнулся на почве коммунизма. Его квартира была увешана фотографиями Ленина, Троцкого, лидеров ИРМ. На стене красовался транспарант «Да здравствует Федеративная индустриальная социалистическая российская республика». Возможно, ему взбрело

⁷ АВПРФ, ф. 65, оп. 3, п. 1, д. 1, л. 2.

в голову, что лейборист Брукфилд компрометировал рабочее движение. Хотя Джек так много делал для защиты прав трудящихся...

По другой версии Тамаев переживал из-за смерти своего друга и в расстреле мирных обывателей надеялся найти лекарство против депрессии. Подозревали, что его наняли враги Брукфилда. Промышленников и финансовых воротил, возмущавшихся радикализмом этого защитника рабочих и мечтавших свести с ним счеты, хватало. По словам Консидайна, Тамаеву заплатили 100 фунтов, и он подтвердил это под присягой на допросе в ривертонской полиции. Однако в ходе дальнейшего расследования этот факт не упоминался.

Если Брукфилда «заказали», то это был изощренный план убийства. Открыть стрельбу по обычным гражданам в расчете на то, что Бруки кинется им на помощь. Тамаев сказал, что пострадавших ему совсем не жаль.

Симонов был обескуражен и подавлен. Гибель Брукфилда он воспринял как знак судьбы. Друзей почти не оставалось. Все говорило о том, что ему пора покинуть Австралию. Но как не хотелось! Он не мог понять, почему все его старания наталкивались на равнодушное, даже враждебное молчание Москвы. Неужели там сомневаются в его порядочности? Из-за кляузников? Откуда столько завистников среди эмигрантов, обвинявших его во властолюбии, тщеславии, жажде обогащения. Да он беден как Лазарь! Ютится в жалкой съемной квартирке и нормально поесть удается не каждый день. А доносчики выставляют его мошенником и хапугой, и он вынужден оправдываться... Как все-таки несправедлив мир.

Пройдет пять месяцев после убийства Брукфилда и Симонова отзовут в Москву. По его мнению, это было громадной ошибкой. Планы по развитию отношений с Австралией откладывались на неопределенный срок. Он ведь старался не для себя, а для родины, для оставшихся на пятом континенте русских рабочих и их австралийских товарищей, которые надеялись на сближение с государством победившего социализма.

Правда, что собой представляет это государство, Симонов толком не знал. Россию он покинул почти десять лет назад, а в Советской России не был никогда. Сведения о том, что там творится, брал из выступлений Ленина, Троцкого и прочих большевистских вождей, из материалов советских газет, которые перепечатывала британская, австралийская и американская пресса. Почерпнутая оттуда информация позволяла вести пропагандистскую полемику с «империалистами и их лакеями», доносить до трудящихся масс величие достижений большевиков. Симонов искренне верил, что советская власть – лучшее из того, что придумало человечество. И все же предстоявшее свидание с этой властью его тревожило.

В ненастный сентябрьский день 1921 года он стоял на палубе парохода, следовавшего из Стокгольма в Ригу. Оттуда прямой путь в Москву. Думал о том, как его примут в наркомате, как сложится судьба. Ему оказали содействие в организации возвращения. В Риме душевно принимал В. В. Воровский, в Стокгольме – П. М. Керженцев. Это не последние люди в НКВД – красные полпреды, лично знакомые с Лениным. Предупрежден о его приезде и Я. С. Ганецкий, торгпред в Латвии. Ему поручено встретить Симонова и посадить его на поезд до Москвы. Но сомнения все равно грызли душу.

Георгий Васильевич Чичерин, возглавивший наркомат в феврале 1918 года, мог предвзято отнестись к нему как к ставленнику Троцкого. Откуда ему было знать, что Симонова с Троцким ничего не связывало, он понятия не имел, кто посоветовал тогдашнему главе НКВД поставить на дипломатическую должность безвестного эмигранта. Может, товарищ Артем, Федор Андреевич Сергеев⁸, вожак русских «политических» в Австралии? Вполне вероятно. В России он сделался членом Центрального комитета РКП (б), коммунистической партии большевиков, и пользовался заслуженным влиянием. Только правды уже не узнать. Два месяца назад, 24 июля, Сергеев вместе с группой делегатов III Конгресса Коминтерна погиб в ката-

⁸ Сергеев, Федор Андреевич (1883–1921). В эмиграции в Австралии находился в 1911–1917 годах.

строфе аэровагона – новейшего транспортного средства, построенного сумасшедшим изобретателем. Этот конструктор сыграл злую шутку с Симоновым, ведь он рассчитывал на покровительство Артема.

Кто еще замолвит за него словечко? Новый нарком недолюбливал Троцкого, который разрушал внешнюю политику, тогда как он, Чичерин, эту политику создавал и укреплял. А Литвинова, сообщившего Симонову телеграммой в 1918 году о его назначении, нарком вообще терпеть не мог. Хотя Литвинов сделался его заместителем, они были на ножах, поносили друг друга в ЦК и Политбюро. Слухи об этом доходили даже до Австралии.

Решение об отзыве Симонова в конечном счете принимал Чичерин, это ясно. Не ответил ни на одно его письмо! Хотя нет, на одно ответил, но какой-то странный был ответ... От его имени, но без подписи. Словно по недосмотру черновик в конверт запечатали. Может, руководитель советской внешней политики не нуждался в таком дипломате, как Симонов. И Австралия его не интересовала.

На Литвинова тоже не опереться. Он, похоже, забыл о своей телеграмме, которая перевернула жизнь Симонова. Керженцев показал другую телеграмму замнаркома, отправленную из Москвы в Стокгольм. В ней говорилось, что никакого советского консульства в Австралии НКВД не признает. Как же так? Выходит, Симонов – самозванец?

В своих раздумьях он невольно возвращался к началу своего пути, к тем событиям, которые привели его в Австралию. Именно там он проникся революционными идеями, поверил в социализм, стал большевиком, а затем – большевистским консулом. Пусть непризнанным. Все равно, это был его звездный час, лучшие годы, то, ради чего стоило жить.

Солдат, бухгалтер, растратчик, беглец

Петр Фомич Симонов родился 8 (21) июня 1883 года в деревне Новые Яблоньки Хвалынского уезда Саратовской губернии, в мордовской семье. Происхождения был с большевистской точки зрения вполне подходящего – из крестьян, однако политической деятельностью до отъезда в эмиграцию практически не занимался.

У него были два брата, след которых после революции и Гражданской войны затерялся. «До 1916 года, – писал он в анкете НКВД, – были в Хвалынске, с тех пор о них ничего не знаю»⁹.

Семья Симонова не была особенно нуждающейся и могла дать детям образование. Петр занимался в сельской школе, затем с частным преподавателем и поступил в саратовскую гимназию. Проучившись шесть классов, окончил ее экстерном.

Зарабатывать начал в 11 лет – рабочим на котельном заводе, но не прекращал учебы. Держал экзамен на счетовода, потом устроился бухгалтером в нефтепромышленную фирму в Баку. В письме, которое Симонов в июне 1921 года написал видному шведскому социалисту и основателю Коммунистической партии Швеции Ф. Стрёму, говорилось, что эта фирма принадлежала братьям Нобель¹⁰. Там он проработал четыре года.

В августе 1904 года Симонов пошел в армию. Немаловажное замечание – в качестве вольноопределяющегося, как гражданин с образованием, имевший право на сокращенный срок службы (два года). Начав с рядового, дослужился до прапорщика¹¹, но военная карьера оборвалась довольно скоро. Причиной, по утверждению Симонова, была его революционная деятельность. Заполняя анкету, он туманно упомянул о своей «работе в РСДРП», которая привело к его аресту в 1905 году по обвинению «в военной пропаганде» (очевидно, имелась в виду антивоенная пропаганда)¹². Однако в другой части анкеты говорилось, что до вступления в РКП (б) в 1921 году ни к каким партиям Симонов не принадлежал.

Исключением было его членство в Коммунистической партии Австралии (КПА), носившее фактический, но не формальный характер. Сам Симонов объяснял это так: «Билета я не имел в виду того, что я принадлежал нелегально, т. к. будучи консулом, было невозможно быть открыто»¹³.

Что касается «работы в РСДРП», то трудно судить о том, что именно она собой представляла и имела ли она вообще место. Насколько существенной была «военная пропаганда»? Если она дала основания для ареста, и этот арест произошел, то наказание для тех лет представляется необычайно мягким – перевод в Елисаветград. Не в Сибирь, а в центр Украины, в город вполне приличный, экономически и культурно развитый. Не хуже Баку. Странное решение для военного суда, который с младшим офицером мог и обязан был поступить более сурово. В стране бушевала революция, и правящий режим с инакомыслящими не церемонился.

Нельзя исключать, что эпизод с революционной пропагандой и арестом являлся если не выдуманным, то несколько приукрашенным – с целью придать анкетным данным нужный идеологический оттенок. Можно ли за это упрекать Симонова? Слишком жестокой и безжалостной была советская бюрократическая система, которая могла прицепиться к любым мело-

⁹ АВПРФ, ф. 516, оп. 1, п. 68, д. 2942, л. 3.

¹⁰ АВПРФ, ф. 65, оп. 2, п. 1, д. 7, л. 16.

¹¹ АВПРФ, ф. 516, оп. 1, п. 68, д. 2942, л. 11.

¹² Там же, л. 17.

¹³ Там же, л. 3.

чам в биографии. Вот еще пример. Только в самой первой своей анкете в графе «национальность» он записал себя мордвином¹⁴. Во всех последующих именовал русским¹⁵.

Но вернемся к событиям, последовавшим за арестом и переездом в Елисаветград. В 1906 году Симонов демобилизовался и вернулся к бухгалтерской деятельности. Если исходить из материалов личного дела, это произошло уже за пределами России, в Харбине. В 1906–1908 годах – служба в некоей компании «Кваристрем и К», в 1908–1910 годах – в одном из харбинских банков¹⁶. Однако эта информация противоречит данным, которые Симонов приводил в письме Ф. Стрёму и которые видятся более правдоподобными. По всей вероятности, в общении со шведским социал-демократом Петр Фомич был более искренен, а затем спохватился, сообразив, что не все следует знать чиновникам наркомата.

Стрёму он признался в том, что вплоть до 1912 года России не покидал и работал в Хабаровске – управляющим издательского товарищества «Приамурье». Оно выпускало ежедневную газету – «обыкновенную с прогрессивными тенденциями, по образу милюковской „Речи“»¹⁷. Эта деятельность была прервана досадным инцидентом. Когда главный редактор угодил в тюрьму (причиной послужила статья, освещавшая махинации одного из местных воротил), исполнять его обязанности взялся Симонов. После освобождения шефа в начале 1912 года, на Крещение, Петр Фомич представил ему полный финансовый отчет, однако в кассе не хватало наличности – 400 или 450 рублей. Эту недостачу Симонов восполнил предъявлением векселя на указанную сумму, подписанного «одним знакомым деловым человеком», который «не мог отказаться от уплаты указанного векселя». Вроде бы дело уладилось, но в скором времени его задержали и взяли под стражу. Произошло это во Владивостоке. Симонову удалось добиться освобождения под подписку о невыезде, но предписание было им нарушено и он покинул Россию¹⁸. Вот тогда и перебрался в Харбин.

В Китае пробыл недолго. Причин, заставивших его отправиться совсем в дальние края, мы не знаем. В том же 1912 году переехал в Японию, затем на Филиппины, а оттуда – в Австралию.

Историю эту можно интерпретировать по-разному и не обязательно в пользу Симонова. По существу, он бежал, причем не из-за политического, а из-за уголовного преследования.

Его доавстралийскую биографию сложно квалифицировать как чистую и незапятнанную. Неясности налицо. По всей видимости, революционером он не был, а вел обыкновенную жизнь мелкого служащего. Получил образование, отслужил в армии, проштрафился, но избежал серьезного наказания, трудился в частных компаниях, запутался в финансовых расчетах и вынужден был распрощаться с Россией.

Симонов не был положительным героем без страха и упрека. Такие появляются на страницах романов, а в жизни редко встречаются. Но что с того? Реальные люди со своими слабостями, недостатками намного интереснее тех картонных фигур, которых советские авторы изображали в книжках из библиотечки «Пламенные революционеры». С подмоченной биографией туда было не попасть. Хотя, в конце концов, Симонов и впрямь стал пламенным революционером, и особенности его личности делают эту метаморфозу весьма впечатляющей.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же, л. 16.

¹⁶ Там же, л. 24.

¹⁷ АВПРФ, ф. 65, оп. 2, п. 1, д. 7, л. 12.

¹⁸ Там же, л. 14–15.

Эмигрант становится большевиком

Австралия была быстро развивающимся аграрно-индустриальным государством, куда стремились переселенцы из многих стран Европы. Огромная территория – целый континент! – возможности найти работу в сельском хозяйстве и промышленности (правда, преимущественно это был тяжелый физический труд), парламентская демократия, обеспечивавшая высокий уровень гражданских свобод. Австралия славилась как страна для рабочих, ее называли «раем для рабочего класса». Определенное преувеличение, но трудящимся там жилось лучше, чем в Великобритании или США. Ну, а про Россию и говорить нечего.

Австралийское общество поначалу формировалось за счет иммиграции из метрополии (Великобритании), но с конца XIX века англосаксонскую социально-этническую основу начали постепенно разбавлять приезжие из Германии, Италии, других европейских стран, а также из России. Число российских граждан, которые уезжали на пятый континент, мечтая о лучшей жизни, быстро росло. Если в 1891 году русских в Австралии было 2881 человек (под эту категорию попадали практически все выходцы из Российской империи, вне зависимости от своей этнической принадлежности), то в 1914 году их насчитывалось уже порядка 12 000. Генеральный консул в Австралии – им тогда был князь и статский советник А. Н. Абаза¹⁹ – в 1914 году в депеше вице-директору Второго департамента МИД России А. К. Бентковскому сообщал подробные данные о численности русской диаспоры на пятом континенте (с учетом распределения по штатам), в Новой Зеландии и на островах Океании.

«А) Численность русской колонии.

- 1) В Квинсленде 5000 чел.
- 2) “Новом Южном Валлисе²⁰ 2000 “
- 3) “Виктории 1500 “
- 4) “Южной Австралии 1100 “
- 5) “Западной Австралии 1200 “
- 6) “Тасмании 100 “
- 7) “Северной Территории 50 “
- 8) “Новой Гвинее и на Островах Тихого океана 50 “
- 9) “Новой Зеландии 1000 “

Итого: 12000 чел.

Б) Распределение русской колонии.

- 1) В Брисбене 3000 чел.
- 2) “Сиднее 500 “
- 3) “Мельбурне 400 “
- 4) “Аделаиде 200 “
- 5) “Порт Фримантл 300 “
- 6) “Хобарт и Лончестон 20 “
- 7) “Кернс (Квинсленд) 150 “
- 8) “Рокхемптон, Мэриборо, Боуэн и Таунсвилл (Квинсленд) 300 “
- 9) “Уоллумбилл (Н. Ю. В.) 300 “

¹⁹ Абаза, Александр Николаевич (1872–1925). Генеральным консулом в Австралии был назначен в 1912 году. После отставки в январе 1918 года переехал в Египет.

²⁰ Имеется в виду Новый Южный Уэльс (русское написание до 1917 г. – Новый Южный Валлис).

- 10) “Брокен-Хилл (Н. Ю. В.) 200 “
- 11) Порт Пири (Ю. А.) 200 “
- 12) В прочих городах Австралии 450 “
- 13) Разбросано по деревням и фермам в Австралии 5020 “
- 14) В Веллингтоне и Окленде 200 “
- 15) “прочих городах Новой Зеландии 300 “
- 16) “разбросано по деревням и фермам Новой Зеландии 500 “
- 17) В Новой Гвинее и на разных островах 50 “

Итого 12000 чел.»²¹.

Абаза указывал, что 12 000 – число приблизительное, поскольку точными статистическими данными он не располагал: опирался на сведения, полученные в ходе консульской практики, на собственные наблюдения, «расспросы разных лиц», донесения от нештатных консулов и прочие «отрывочные» сведения»²². Абаза считал, что действительное число русских на пятом континенте, скорее, было больше 12 000, нежели меньше. Он исходил из того, что проводившаяся в 1911 году перепись населения зафиксировала 4456 русских жителей в Австралии и 776 в Новой Зеландии, «а усиленная эмиграция сюда русских началась лишь после этого времени». Каждый месяц русская колония увеличивалась приблизительно на 120–150 чел. (90–150 чел. из Сибири и Маньчжурии и 20–30 чел. из Европейской России)²³.

Въезжали иммигранты через северо-восточные порты пятого континента Дарвин и Брисбен. Основной поток шел через Брисбен, административный центр штата Квинсленд²⁴. Здесь начинали свою австралийскую одиссею почти все эмигранты, переезжая потом в Новый Южный Уэльс, Викторию и другие штаты. Но многие оставались в Квинсленде и непосредственно в Брисбене, игравшем ведущую роль в развитии русской колонии. Там проживало около половины всей эмигрантской общины.

Генконсул характеризовал особенности профессиональной занятости приезжих. «За исключением евреев, живущих в городах и занимающихся здесь, как и везде, главным образом торговыми делами и легкими ремеслами (портные, сапожники), почти все русское население в Австралии живет исключительно физическим трудом. Ремесленники (слесари, токари, плотники, маляры) находят себе сравнительно легкий заработок в правительственных или частных мастерских или заводах, остальные же принуждены к черной работе разного рода – на постройках железных дорог, в рудниках, носильщиками на набережных и т. д. На земле работают немногие, и то лишь батраками на фермах, исключая Северный Квинсленд, где очень много русских постоянно работают на сахарных плантациях. Кое-где встречаются русские, имеющие собственную ферму, но таких еще немного – едва ли человек 300 во всей Австралии, считая в том числе русский поселок в Уоллумбилле»²⁵.

Абаза немало сделал для обеспечения защиты русских граждан на пятом континенте, расширив число имевшихся там консульских представительств. К уже существовавшим в Сиднее, Ньюкасле и Брисбене добавил новые – в Аделаиде, Хобарте, Перте и Фримантле. Их возглавили нештатные консулы, на эту должность назначали местных граждан. Сам Абаза управлял всем своим хозяйством из Мельбурна и всерьез заботился о развитии торгово-экономического и культурного взаимодействия России и Австралии.

²¹ АВПРИ, ф. Спб Главный архив 1–5, оп. 408, д. 1274, л. 5об-6.

²² Там же, л. 6.

²³ Там же, 6 об.

²⁴ Общие сведения, характеризующие русскую эмиграцию в Австралии начала века, взяты также у Г. И. Каневской. См.: Г. И. Каневская. Очерк русской эмиграции в Австралии. Мельбурн, 1998 // zarubezhje.narod.ru/texts/chss_0425.htm.

²⁵ АВПРИ, ф. Спб Главный архив 1–5, оп. 408, д. 1274, л. 7–7 об.

В начале января 1917 года, буквально накануне судьбоносной революции, он с воодушевлением докладывал в центр о торжественном заседании мельбурнского городского собрания, на котором в присутствии премьер-министра Австралии было принято решение о создании австралийско-русского Справочного бюро по торговле²⁶.

Источником тревоги для генерального консула было то обстоятельство, что среди прибывавших в Австралию эмигрантов попадалось немало революционно настроенных индивидов, скрывавшихся от преследования со стороны царского правительства. Конечно, громадное большинство членов русской колонии были людьми «вполне благонамеренными, приехавшими сюда лишь в надежде на лучший заработок», но «политические» вносили диссонанс в общую картину. Абаза воспринимал их как малоприятную публику: «бежавшие из России уголовные и политические преступники», люди «крайних социал-революционных воззрений». Он писал: «Эта вторая группа, сравнительно немногочисленная, представляет, однако, большую опасность, так как она состоит из людей сравнительно интеллигентных и не щадящих никаких усилий к тому, чтобы приобрести возможно большее влияние на всех приезжающих сюда наших соотечественников»²⁷.

В донесениях в Петербург Абаза сетовал на ограниченность своих возможностей. Из офиса в Мельбурне ему трудно было поддерживать контакт со всеми переселенцами, разбросанными по огромному материку, не говоря уже о тех, кто забрался в Новую Зеландию или на острова Океании. Нештатные консулы чем-то помогали, но их работе мешало незнание русского языка и «совершенно естественное отсутствие интереса и инициативы». В результате они оставались «чуждыми» русской колонии и не внушали ей «никакого доверия»²⁸.

Выход Абаза видел в выделении дополнительных финансовых средств и назначении к нему в подчинение штатных консулов из России. Об этом он писал и в уже цитировавшейся депеше и в других донесениях. Такое решение позволило бы активизировать работу российской миссии и смягчить негативные, с точки зрения Абазы, явления: вынужденное принятие многими иммигрантами австралийского гражданства и усиление влияния «политических». Последний фактор подавался как определяющий. Генконсул отмечал, что сотни переселенцев «подпадают под пагубное влияние бежавших из России политических преступников и в скором времени превращаются из мирных, верноподданных переселенцев в ярых социалистов и анархистов»²⁹.

Петр Симонов примкнул не к благонамеренному большинству, а как раз к этим возмутителям спокойствия, которые так пугали царского дипломата. Конечно, произошло это не сразу. Поначалу бывший бухгалтер и газетчик думал об одном, как заработать на хлеб насущный. Абаза не обманывал: на престижные, «чистые» должности приезжих как правило не брали. Во всяком случае, не сразу. Требовалось хорошо выучить язык, получить образование или подтвердить свои аттестаты и дипломы. Так что не было ничего странного в том, что Симонов вынужден был соглашаться на самую тяжелую работу – рубщика сахарного тростника, грузчика, рудокопа на приисках корпорации «Брокен-Хилл пропрайетори». В перспективе это не закрывало перед ним других возможностей. Он мог добиться права заниматься бухгалтерским делом или освоить иную профессию, чтобы в конечном итоге ассимилироваться в местном обществе, влиться в средний класс, приняв австралийское гражданство. С этим генеральный консул как-нибудь бы смирился – лучше стать австралийским обывателем, чем русским революционером.

²⁶ АВПРИ, ф. Спб Главный архив 1–5, оп. 408, д. 952, л. 11.

²⁷ Там же, л. 7 об.

²⁸ Там же, л. 2–2 об.

²⁹ Там же, л. 2 об.

Абаза не учитывал, что принятие австралийского гражданства (иммигранты имели право претендовать на это через два года после прибытия на пятый континент) могло сочетаться с революционной деятельностью. Это относилось и к Ф. А. Сергееву, который не только принял австралийское гражданство, но и добился на пятом континенте материального и семейного благополучия (свой дом, жена-австралийка, дети). В 1917 году он всем этим пожертвовал ради того, чтобы вернуться в Россию и сражаться за счастье трудящихся. Но вернемся к Симонову.

Петр Фомич местного гражданства не принимал, а с «политическими преступниками», которых остерегался Абаза, сошелся очень тесно. Их числилось около 500 – в основном, участники революционных событий в России 1905–1907 годов. Среди них было немало людей высокой культуры, хорошо образованных, с богатым жизненным опытом, способностями, «сыгравших решающую роль в становлении русской диаспоры и ее институтов на пятом континенте»³⁰. Они создали в Брисбене свою организацию, сначала названную Русской ассоциацией, а затем – Союзом русских эмигрантов. С 1912 года стали выпускать газету «Эхо Австралии». Уделяли внимание материально-бытовой и духовной сторонам жизни русской колонии, старались сделать ее интересной и разнообразной. Велась активная культурно-просветительная работа, открылись библиотеки и школа, устраивались вечера, читались лекции.

Среди политэмигрантов встречались последователи разных социалистических течений – меньшевики, анархисты, эсеры и др. Своей организованностью и дисциплинированностью выделялись большевики. Их лидер, товарищ Артем – умница, блестящий оратор, отличался умением располагать к себе людей, как говорится, спланировать массы. Его ближайшим помощником был А. М. Зузенко³¹ – моряк и профессиональный революционер. Он также обладал завидным даром убеждения, привлекал товарищей верой в коммунистические идеалы, честностью, неподкупностью и отвагой. Что удивительного в том, что Симонов попал под обаяние этих незаурядных людей. Он прилежно изучал социалистические идеи и занялся пропагандистской деятельностью.

Большевикам удалось поставить под свой контроль Союз эмигрантов, который позже преобразовался в Союз русских рабочих (СРР). Под его эгидой функционировали дочерние организации – Брисбенский русский рабочий клуб, Австралийское общество помощи политическим ссыльным и каторжанам в России. Отделения этих структур росли и крепили не только в Квинсленде, но и в других штатах. Заодно Симонов примкнул к ИРМ, активно участвовал в рабочем и профсоюзном движении, поддерживал тесные связи с руководством Австралийской лейбористской партии (АЛП) и Австралийской социалистической партии (АСП).

Он возвращается к журналистике и начинает писать на английском языке. Печатается в «Эхе Австралии». Эта газета неоднократно закрывалась местными властями (в том числе с подачи Абазы), но возрождалась под другими названиями: «Известия Союза русских эмигрантов», «Рабочая жизнь» (*Workers' Life*), «Знание и Единство» (*Knowledge and Unity*). Публиковался Симонов и в австралийской периодике. Выступал на митингах, принимал участие в забастовках, демонстрациях, а когда началась Первая мировая война, включился в антивоенную кампанию.

И вот он уже не скромный служащий, каким был в России, не разыскиваемый властями беглец, а революционер, агитатор и пропагандист. В Союзе русских рабочих стал третьим по значению человеком. В общем, сделал головокружительную карьеру.

Не всем это пришлось по вкусу. К возвышению Симонова враждебно отнеслись эмигранты, осуждавшие большевиков и социалистов, считавшие, что Ф. А. Сергеев и его соратники узурпировали руководство в эмигрантской ассоциации. Ревниво следили за деятельностью Симонова и многие члены СРР. Мол, в России ничем себя не зарекомендовал,

³⁰ Г. И. Каневская. Указ. соч.

³¹ Зузенко, Александр Михайлович (1884–1938). В эмиграции в Австралии находился с 1911 по 1919 г.

революционный послушной список – никакой, а туда же, в начальники метит. Симонова обвиняли в честолюбии, стремлении к власти.

Он и в самом деле был человеком властным и амбициозным. Возможно, ему доставало умения ладить с людьми, договариваться, находить компромиссы. Нет данных, позволяющих говорить о том, что в Австралии Симонов обзавелся многими друзьями из числа соотечественников. Скорее, их было немного. Нормальные отношения сложились с Сергеевым, иначе он не стал бы «продвигать» Симонова. По словам самого Петра Фомича (в 1921 году он отмечал это в письме в Исполком Коминтерна (ИККИ), с товарищем Артемом они сходились почти во всем³². В противном случае, уезжая из Австралии, тот вряд ли оставил бы его секретарем Союза и главным редактором эмигрантской газеты, то есть, по сути своим наследником. Симонов ладил с Зузенко, во всяком случае, тесно с ним взаимодействовал, как уже отмечалось, находил общий язык с А. Э. Калниным³³, который на пятом континенте фигурировал под именем Ивана (Джона) Кука.

Однако недоброжелателей среди политэмигрантов у него было значительно больше. Возможно, по этой причине он чаще общался с австралийскими товарищами по борьбе. Перси Брукфилд и Майкл Консидайн были его главной надеждой и опорой.

К сожалению, не сохранилось документальных свидетельств о личной жизни Симонова. Из анкет известно, что он был женат. Жена, очевидно, была австралийкой или англичанкой, во всяком случае, в то время, когда Симонов оставил пятый континент, она уже пребывала в Великобритании. На анкетный вопрос о близких родственниках Симонов ответил так: «Только жена, в настоящее время находится в Англии»³⁴.

Он пошел по стопам своего наставника Ф. А. Сергеева, и когда отбыл в Советскую Россию, расстался со своей «половиной». Почему так произошло, неизвестно. Предположим, женщине не улыбалось провести остаток жизни на чужбине. Возможно, семейный разрыв у Симонова был не столь болезненным, как у товарища Артема. Дети не обзавелся, равно как и недвижимостью. Не факт, что это имело для него значения. Впрочем, все это догадки...

³² 8 April 1921, Simonov: to ECCI concerning an 'All-Australian Socialist Organization'. In Russian, manuscript and typescript copies. Trans. by KW // http://press.anu.edu.au/out/mobile_devices/ch01s09.html.

³³ Калнин, Анс Эрнстович (1883–1950). В эмиграции в Австралии находился в 1912–1917 годах.

³⁴ АВПРФ, ф. 516, оп. 1, п. 68, д. 2942, л. 3.

Против Абазы

Февральскую революцию большинство эмигрантов встретили с воодушевлением. Засобирались домой. В основном, это были те, кому не удалось добиться успеха в Австралии, сделать карьеру. Теперь они питали надежды на то, что после перемен в России там их ждет лучшее будущее. Стремились на родину и «политические», которые во главу угла ставили не материальный достаток и семейное благополучие, а идейные соображения.

Средства на репатриацию выделило Временное правительство, и организацией отъезда занялся Абаза, которого оставили в должности, как, впрочем, и других российских дипломатов – за рубежом и в Петрограде. Не всем политэмигрантам это пришлось по вкусу, ожидалось, что демократическую Россию в Австралии будет представлять не царский чиновник, а человек новых, прогрессивных взглядов. 16 марта из Дарвина в МИД России ушла телеграмма от некоего Родионова, назвавшегося членом Русской ассоциации. Он просил назначить консула в Австралии, который «помог бы нам уехать» (*“enable us to leave”*)³⁵. Но вскоре выяснилось, что всеми вопросами по-прежнему ведаёт Абаза. Впрочем, получив указание из российского посольства в Лондоне, он с усердием занялся организацией репатриации. Началась регистрация на пароходные рейсы, расписанные до ноября.

Ф. А. Сергеев уехал одним из первых, оставив «на хозяйстве» Зузенко и Симонова. Зузенко занимался подготовкой и проведением акций «прямого действия» (выступления в защиту прав рабочих, против войны), а Симонов, став секретарем Союза, редактировал газету и руководил «Комитетом по отправке». Он собирался отбыть на родину с «последним ноябрьским пароходом». В отчете о своей деятельности, который был им представлен в НКВД 21 ноября 1921 года (позже на его основе он написал и опубликовал в журнале «Международная жизнь» статью «Три с половиной года советского дипломатического представительства»), об этом было сказано следующим образом: «В начале революции, когда политические выезжали из Австралии в Россию, по общему настоянию я был оставлен до последнего ноябрьского парохода, так как я был главным секретарем Всеавстралийского Союза русских рабочих и редактором нашей единственной русской газеты»³⁶.

Отправка эмигрантов предполагала взаимодействие с Абазой, а отношения с ним складывались совсем не гладко. По мере обострения ситуации в России генконсул все более враждебно относился к революционно настроенным эмигрантам и не скрывал своего неприятия большевизма, грозившего разрушением российского государства, его внешней политики и дипломатии.

Что касается Симонова, то он «с первых же известий о мартовской революции называл в своих лекциях и статьях правительство Львова-Керенского шайкой узурпаторов и предсказывал переход всей власти советам»³⁷. Подобный радикализм не находил понимания у Абазы и у значительной части эмиграции, которую Симонов считал реакционной: «Не было там недостатка в царских агентах-provokatorax и высшей пробы черносотенцах, включая преданных царистов, объединившихся вокруг царского генерального консула Абазы»³⁸. Но он не мог не признать, что в оппозиции к большевикам и вообще революционерам экстремистского толка находились не только реакционеры и ретрограды, но и обыкновенные обыватели, которых

³⁵ АВПРФ, ф. 65, оп. 2, п. 1, д. 7, л. 2.

³⁶ АВПРФ, ф. 04, оп. 4, п. 4, д. 298, л. 21.

³⁷ П. Симонов. Три с половиной года советского дипломатического представительства. Международная жизнь, 1922, № 15 (135). С. 61.

³⁸ Там же.

пугали далеко идущие планы ниспровергателей основ. Симонов признавал, что в своей массе члены СРР поддержали Временное правительство³⁹.

Обстановка в русской диаспоре в Австралии в то время напоминала обстановку в самой России. Это был своего рода слепок в миниатюре. Большинство выступало за демократические перемены, осуждало большевиков и прочих «максималистов», взявших курс на насильственное свержение Временного правительства. Однако «максималисты», представлявшие меньшинство, были лучше организованы, отличались боевым духом и готовностью биться «до последнего патрона».

Октябрьский переворот усилил брожение в умах. В эмигрантской организации разгорелась ожесточенная борьба. «Бурные собрания, иногда вплоть до кулачной расправы, происходили по целым дням и даже по целым ночам»⁴⁰. Симонов и его последователи, солидарные с большевиками, послали поздравительную телеграмму в Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов, пожелав ему полной победы. Они в очередной раз переименовали Союз, который теперь стал называться «Союз русских рабочих-коммунистов» (СРР-К).

Симонов развернул борьбу с Абазой за влияние в русской колонии. В октябре 1917 года он направил ему в Мельбурн экземпляр газеты СРР-К «Рабочая жизнь» вместе с телеграммой, в которой требовал признать себя полномочным представителем колонии. Это не могло быть истолковано иначе, как желание стать консулом в Брисбене. Абазе как бы давался шанс проникнуться передовыми идеями и встать на сторону революционно настроенных эмигрантов. Симонов не сомневался в негативной реакции генконсула, и тот действительно воспринял подобное предложение как неслыханную дерзость. Ответил утонченно и ядовито-вежливо, как и подобало вышколенному дипломату и аристократу.

«На Ваш запрос „требуется ли официальное признание Вас как представителя колонии“, считаю своим долгом довести до Вашего сведения следующее: так как Вы являетесь представителем Брисбенской колонии и Ваши функции будут распространяться в делах колонии, только на данный район, то я просил бы Вас выяснить этот вопрос с командированным мной для ведения консульских дел в Брисбене Я. С. Абрамовичем-Томасом, в ведение которого входит вышеозначенный Брисбенский район». Абазе не преминул выразить надежду, что Симонов будет оказывать Абрамовичу-Томасу «посильную помощь как старожил и человек, имеющий близкое общение и знание Брисбенской колонии»⁴¹.

Мы не располагаем сведениями о личности этого протеже Абазы. Судя по документам, его звали Яковом. Возможно, он был эмигрантом, выходцем из России, а вторая часть фамилии (Томас) появилась уже после его переезда в Австралию.

Трудно удивляться тому, что Симонов отнесся неприязненно к ставленнику Абазы, а тот платил ему той же монетой и настраивал против него генерального консула. Абазе укреплялся во мнении, что секретарь СРР-К – опасный человек, не заслуживающий доверия. В результате были сорваны планы Симонова по отъезду из Австралии. Он писал, имея в виду Абазу: «Этот господин уведомил меня перед самым отходом последнего парохода, что люди с моими взглядами России не нужны и поэтому он лишает меня права на проезд»⁴².

На самом деле уведомил Абрамович-Томас. Именно этот кандидат на брисбенское консульство убедил Абазу в том, что секретарь Союза русских рабочих-коммунистов – вредный политический элемент, которому на родине делать нечего. Ведь вначале Абазе неосмотрительно выдал Симонову «правительственный билет» – т. е. право на покупку пароходного билета. В архиве сохранилась его телеграмма, адресованная лично Симонову и сделанная на

³⁹ Там же, с. 62.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ АВПРФ, ф. 65, оп. 1, п. 1, д. 1, л. 1.

⁴² П. Симонов. Три с половиной года... С. 63.

ней приписка, из которой следовало, что эта телеграмма могла служить пропуском на паром⁴³. Но Абрамович-Томас продемонстрировал бдительность и открыл глаза генконсулу на большевистского «главаря». 13 ноября 1917 года он сообщил Симонову:

«Милостивый государь г-н П. Симонов,

В ответ на Ваше заявление довожу до Вашего сведения, что я лишаю Вас правительственного билета, ибо лицам с убеждениями, подобными Вашему, я не имею права способствовать к их возвращению на родину.

С наилучшими пожеланиями,

Як. Абрамович-Томас,

И. о. консула в Брисбене»⁴⁴.

Письмо было написано на официальном бланке – Абрамович-Томас жаждал признания своего статуса.

Чтобы у большевика-эмигранта не оставалось никаких иллюзий относительно его положения, австралийцы с подачи Абазы и Абрамовича-Томаса обвинили его в шпионаже в пользу Германии. А как еще можно было расценить лозунг «Долой империалистическую войну», которым Симонов украшал чуть ли не каждый выпуск «Рабочей жизни»? Он вспоминал: «Каждую ночь таскали к коменданту города на допросы, газету мою закрыли, и это было как раз во время октябрьской/ноябрьской революции»⁴⁵.

Нужно ли упрекать Абазу в том, что он не захотел пускать в Россию Симонова и чинил ему всяческие препятствия? Конечно, тот не был бандитом и уголовником (так величал его генконсул), но принадлежал к партии разрушителей, а не созидателей. Абаза прекрасно понимал, что люди, подобные Симонову, хотят перечеркнуть все прошлое России.

Итак, Петр Фомич остался в Австралии. Порой он считал для себя выгодным подавать это как осознанный и добровольный поступок – мол, русские эмигранты попросили его остаться «для борьбы против гонений бывшего царского консула Абазы» и он откликнулся на эти просьбы⁴⁶. Возможно, подобное обстоятельство имело место, однако главная причина коренилась все же в запрете официального представителя российского правительства. Иначе Симонов выехал бы обязательно, и в этом случае его жизнь сложилась бы по-иному. Но так уж вышло, что путь на родину был закрыт, и ему ничего не оставалось, кроме как продолжить свою деятельность в Австралии.

Он поставил своей целью покончить с Абазой – пусть поплатится за свое коварство! 13 ноября, то есть в тот же день, когда генеральный консул и его «подручный» огорошили Симонова своим запретом, он направил телеграмму в Петроград, в Министерство иностранных дел. От имени «руководства русских общин и ассоциаций» в Мельбурне, Сиднее и Брисбене заявлялось: «Консул Абаза остается типичным представителем старого автократического режима, потерявшим не только доверие русских граждан, но также весь свой престиж в местном обществе». Указывалось, что во всех крупных городах проходят собрания эмигрантов, требующих «немедленно» назначить вместо Абазы человека, «достойного быть представителем российской демократии»⁴⁷. Под телеграммой, кроме подписи Симонова, стояла еще одна не вполне разборчивая подпись, очевидно, также одного из тогдашних руководителей СРР-К.

Направляя эту телеграмму, Симонов еще не знал, что МИД России в полном составе отказался работать на большевистское правительство и вместо этого ведомства создается Народный комиссариат по иностранным делам во главе с Троцким. По всей видимости, теле-

⁴³ АВПРФ, ф. 65, оп. 1, п., д. 1, л. 5.

⁴⁴ Там же, л. 3.

⁴⁵ АВПРФ, ф. 04, оп. 4, п. 4, д. 298, л. 21.

⁴⁶ АВПРФ, ф. 516, оп. 1, п. 68, д. 2942, л. 10.

⁴⁷ АВПРФ, ф. 65, оп. 1, п. 1, д. 2, л. 1.

грамма из Австралии одной из первых легла на стол наркома, и тот обратил внимание на ее бодрый и безапелляционный слог.

Однако Абаза не сложил оружия и все последние месяцы своего пребывания на посту генконсула как мог старался ограничить влияние СРР-К. Он провел работу в австралийском правительстве, и 15 декабря Симонов получил извещение от министра труда и железных дорог У. А. Уотта (в 1917–1918 годах неоднократно исполнявшего обязанности премьер-министра, который занимался европейскими делами – то в Лондоне, то в Париже) о том, что «публикация в Содружестве русскоязычной газеты, известной как „Рабочая жизнь“, запрещена». Объяснялось, что это решение принято «в интересах общественной безопасности и обороны Содружества» и в соответствии с введенными в 1915 году ограничениями военного времени⁴⁸.

К тому времени у правительства Австралии все большую тревогу вызывала активизация революционной и особенно антивоенной пропаганды русских эмигрантов, ссылавшихся на «правильный» опыт большевистского режима. Австралийцы не поленились перевести на английский язык наиболее вызывающие с их точки зрения фрагменты из статей «Рабочей жизни» и направили их Симонову в качестве приложения к письму Уотта.

Эти фрагменты воспринимаются сегодня как ценный исторический материал, который, с одной стороны, говорит о максимализме политэмигрантов, а с другой – о той наивности, с которой они оценивали события у себя на родине. Никто из них толком не знал, что там происходило, что конкретно представляли социалистические перемены, но вера в то, что они осуществлялись на благо народа, была неколебима.

Редакция «Рабочей жизни» во главе с Симоновым придерживалась ленинских, большевистских установок. Осуждалось Временное правительство, в том числе за разгон июльской демонстрации. Под огонь критики попал А. Ф. Керенский, на которого «вешали всех собак». Он-де предал не только русскую демократию, но и демократию во всем мире, настраивал народ против своих бывших товарищей, опираясь на богатых крестьян, казаков, средний класс и капиталистов, объявил открытую войну пролетариату⁴⁹.

⁴⁸ АВПРФ, ф. 65, оп. 2, п. 1, д. 1, л. 1.

⁴⁹ Там же, л. 4.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.